

Д. В. Пивоваров

ТРИ ПАРАДОКСА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ БУДУЩЕГО

Аннотация. Статья посвящена проблеме прогнозирования будущего. В формировании образа грядущего, в котором окажется, например, через 50–100 лет все человечество, и в частности Россия, вносит ощутимый вклад каждая из существующих форм общественного духа (в том числе религия, философия, наука, образование, искусство). В этом кооперировании футуристических усилий в качестве критической методологии выступает философия. Она служит своеобразным камертоном, без которого трудно настроить оркестр, составленный множеством наук и иных форм общественного сознания. Философы-диалектики выявляют и анализируют противоречия – парадоксы, антиномии, апории, непременно сопряженные с операциями пророчества, прогнозирования, предсказания, предвидения.

На основе ретроспективного анализа автор описывает наиболее существенные парадоксы, с которыми обычно сталкиваются футурологи, пытающиеся прогнозировать общий ход исторических событий, и присваивает этим парадоксам следующие названия: «антиномия ученого незнания», «парадокс нового» и «парадокс эмерджентного эффекта». Обзор названных парадоксов завершается неутешительным выводом о том, что широкомасштабные и долгосрочные «научные предвидения будущего», претендующие на конкретную историчность, точность, истинность, по сути, невозможны или, по крайней мере, сомнительны. Тем не менее глобальные прогнозы всегда высоко ценятся общественностью, живо обсуждаются и останутся востребованы целеполагающим человеческим разумом.

Ключевые слова: диалектика, антиномизм, диалектическое противоречие, тождество диалектических противоположностей, ученое незнание, парадокс нового, эмерджентный эффект.

Abstract. The paper is devoted to the issue of predicting the future. While creating the future image of the mankind as a whole, and Russia in particular, extrapolated some 50 or 100 years ahead, such cultural forms as religion, philosophy, education and art make their significant impact. However, philosophy plays a special role of critical methodology in coordinating the futurological efforts. It works as a tuning fork that tunes up the orchestra of various sciences and other forms of social consciousness. Being dialectical, philosophers find out and analyze the contradictions – paradoxes, antinomies, and aporias - involved in such activities as prophesizing, prognosticating, predicting and foreseeing.

On the basis of the retrospective analysis, the author considers the most significant paradoxes facing the futurologists engaged in predicting the general course of historic events; the paradoxes being denoted as follows: the antinomy of academic ignorance, paradox of newness and paradox of an emergent effect. The analysis

results in conclusion that the large-scale, long-term «scientific predictions of the future», claiming to be the truth and pretending for historical value and accuracy, are impossible or at least doubtful. Nevertheless, global prognoses are highly valued, widely discussed and always in demand in society due to the purposeful human intellect.

Index terms: dialectical antinomy, dialectical contradiction, dialectical identity of opposites, academic ignorance, paradox of newness, emergent effect.

Каждая форма общественного духа (в том числе религия, философия, наука, образование, искусство) вносит ощутимый вклад в формирование образа грядущего, в котором окажется все человечество, и в частности Россия, например, через 50–100 лет. В этом кооперировании футуристических усилий философия необходима, прежде всего, в качестве критической методологии. В рефлексивно-методологическом плане философию уместно уподобить камертону: сам по себе камертон – не музыкальный инструмент, но без него трудно в унисон настроить оркестр, составленный множеством наук и иных форм общественного сознания. Философы-диалектики выявляют и анализируют противоречия – парадоксы, антиномии, апории, непременно сопряженные с операциями пророчества, прогнозирования, предсказания, предвидения.

Идея противоречия как особого единства противоположностей сформировалась в V–VI вв. до н. э. Так, Лао-Цзы мыслил Дао (Путь всего сущего) составленным полярностями ян и инь, а Гераклит возвел борьбу противоположностей в ранг универсального закона для всего сущего. Платон же учил, что всеобщие понятия необходимо противоречивы и что истина достижима через сведение противоречащих друг другу сторон в единое и целое. В России метод антиномий широко применяли В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский и многие другие известные русские мыслители.

Антиномизм – это принцип и метод философского познания и (или) парадоксального изложения полученных выводов, основанный на широком использовании противоречий между одинаково доказуемыми суждениями. Предмет глобального антиномического исследования – громадная целостность, в которой таинственно опосредованы полярные противоположности. Чтобы совместить полюса такого целого друг с другом и определить меру их тождества и их взаимный переход, требуется предварительно постигнуть интуицией всю эту необозримую тотальность и решить проблему «герменевтического круга». Суть данного «круга» состоит в том,

что для познания частей нужно сначала знать их целое, а для познания целого надо уже знать все его главные части [6, с. 42–44].

Философ-антиномист не прячется за уверениями, будто ему понятна суть бесконечной смены полюсов единого целого, он лишь констатирует, что в силу равной обоснованности опытом и логикой все стороны диалектического противоречия должны быть оценены как относительно истинные и проблемно отождествлены друг с другом в оговариваемых пределах. Подлинная философская футурология – парадоксальная футурология, диалектика антиномий. «Принять <...> парадокс, – пишет знаменитый немецко-американский теолог и философ Пауль Тиллих (1886–1965), – это значит принять не абсурд, но состояние охваченности силой того, что врывается в наш опыт свыше» [9, с. 60].

Кратко опишем важнейшие парадоксы, с которыми обычно сталкивается профессиональный футуролог.

«Антиномия ученого незнания». В общем виде суть этого парадокса сформулировал в XV в. кардинал Николай Кузанский (Николай Кребс) (1401–1464), основоположник немецкой философии, определивший подлинную науку как «ученое незнание» [3]. По его мнению, универсум соткан из одновременно конфликтующих и совпадающих между собой оппозиций. Любая вещь, будь то атом, вселенная или человек, появляется и существует как нечто конкретное именно потому, что в ней совпадают и специфически сочетаются минимум две (а в принципе – бесконечно много) противоположностей. Поскольку конкретные предметы возникают в результате совпадения в них многочисленных контрадикторных тенденций, то истинное научное описание всякой живой конкретности должно быть антиномичным, т. е. состоять из суммы разных диалектических тождеств: $[(A + \text{не } -A) + (B + \text{не } -B) + \dots (N + \text{не } -N)]$. Совпадение противоположностей (*coincidentia oppositorum*) постигается в уме при помощи мистического озарения.

Например, согласно Николаю Кузанскому, если Бог – во всем, то Он меньше атома (иначе говоря – Бог бесконечно мал; по сути, Он – ничто) и в то же время Бог есть вся Полнота вселенной (Бог бесконечно велик; по сути, Бог – это все, сумма всех форм существования). Отсюда парадокс: Бог есть «могучее ничтожество» и «ничтожное могущество». Столь же парадоксальна природа человека: человек конечен в плотски-телесном плане и бесконечен в своем духовном притяжении к Абсолюту.

Аналогично можно утверждать, что в мире одновременно тождественны и опровергают друг друга силы тяготения и отталкивания, любви

и ненависти, красоты и уродства, добра и зла и т. д. Николай Кузанский считал, что никто из смертных не знает, по какой причине следует именно «антиномично» отождествлять соединяемые противоположные силы *A* и *не –A*, выявлять их пропорции и предсказывать суммарный эффект. Ученый-христианин должен просто верить в то, что многочисленные полярные силы в каждой вещи загадочно интегрированы и опосредованы непостижимым Абсолютом. «Ученое незнание» – это, во-первых, знание о парадоксальном совпадении полюсов целого и, во-вторых, незнание о том, почему и как происходит их отождествление.

Итак, «ученое незнание» предполагает тщательный учет и намеренное столкновение как можно большего числа взаимоисключающих тенденций. Невозможно полно и точно предвидеть результирующий итог взаимодействия массы противоположностей, невообразимо перепутанной, подобно ризоме (клубню растения). До сих пор совокупная наука не может в общем виде решать «задачу трех тел», т. е. не умеет теоретически анализировать одновременное взаимодействие трех и более объектов и истинно предсказывать его кооперативный эффект.

Европейская наука основана преимущественно на методах абстрагирования и эксперимента; она изучает живое целое, как правило, путем расчленения его на куски. Однако ученые-аналитики пока не способны путем тонкого синтеза восстановить натуральную взаимосвязь всех выделенных частей, не в силах оживлять и понимать природное целое. Удел теории – полагаться не на интуицию витальной целостности, а на редукционистский принцип «мертвой системности». Критикуя абстракционизм теоретической науки, великий Иоганн Гете дал ей в трагедию «Фауст» (которую завершил в 1831 г.) справедливую оценку: «Суха, мой друг, теория везде, / А дерево жизни пышно зеленеет!» (в переводе Н. Холодковского).

Ученые далеко не всегда замечают подлинную внутреннюю противоречивость объективно-реальных предметов. Чаще они обнаруживают в изучаемом объекте только какую-нибудь одну из необозримого множества тенденций и потому избегают антиномичных дескрипций целостности. Допустим, один исследователь: а) приковывает свое внимание только к какой-нибудь одной из замеченных им тенденций изучаемой реальности; б) утверждает, что эта тенденция *A* и есть искомая сущность обсуждаемого объекта; в) в доказательство подбирает подтверждающие факты и не признает опровергающих свидетельств. Его оппонент, напротив, склонен приписывать той же самой реальности сущность *не –A*, оперирует

лишь удобными ему фактами и не желает собственноручно фальсифицировать собственную теорию.

В континууме изучаемой вещи при желании всегда можно обнаружить альтернативные факты, одинаково сильные и уравнивающие друг друга. И тогда между оппонентами вспыхивает бесконечный и малопродуктивный спор, будь то научная дискуссия или телевизионное talk-show. Один спорщик, например, заявит, что весь мир находится в непрерывном движении, либо что электрон есть волна или что электрон электрону рознь. Другой спорщик, наоборот, будет настаивать на том, что покой абсолютен, что электрон – это частица и что все электроны во всех местах вселенной, безусловно, тождественны. Большинство ученых считают истинным допущение, что все физические тела подчиняются единому закону всемирного тяготения, на что диалектически мыслящее меньшинство возразит: всякая палка или магнит о двух неразделимых концах, и всякое сущее подчинено дуальному закону всемирного «притяжения-отталкивания».

Иллюстрацией к изложенному может служить телевизионная схватка между социалистами и либералами, во время которой, к примеру, Сергей Кургинян будет страстно убеждать зрителей, что Иосиф Сталин велик, ибо построил могучую советскую империю, а Борис Ельцин – злостный преступник, так как разрушил СССР и вверг страну в дикий хаос; а Николай Сванидзе, напротив, будет с яростью ругать Сталина и восхвалять Ельцина как истинного создателя и освободителя многострадального россиянина. С позиции доктрины «ученого незнания», оба спорщика-догматика одинаково правы, поскольку опираются на равные множества достоверных полярных («черных и белых») фактов. Однако голосующие зрители-антидиалектики отнюдь не склонны к антиномическому стилю мышления; при голосовании они разделятся на две неравные враждующие группировки: Кургинян сегодня получит 90 % голосов зрителей, а Сванидзе – только 10 %.

Примерно то же самое можно наблюдать в большинстве научных и мировоззренческих дискуссий о предельных целостностях – о происхождении вселенной, жизни и смерти, человечестве, смысле жизни, о будущем России и россиянина. *Одномерно* мыслящие оппоненты упорно остаются при своих изначальных мнениях и не стремятся к обобщающему синтезу полярных точек зрения в форме научных парадоксов. Поэтому, согласно антиномизму Николая Кузанского, их «незнание» не следует считать «на-

учным» в подлинном смысле этого слова. Будущее составлено великим множеством конкурирующих тенденций, и их «равнодействующую» (т. е. их диалектическое тождество) вряд ли можно истинно описать неким логически непротиворечивым суждением.

«**Парадокс нового**», который швейцарский богослов, философ и логик Юзеф Бохеньский (1902–1995) кратко выразил суждением: «Новое одновременно возникает и не возникает из старого».

«Мы просто не можем знать, как повернутся события, – пишет Бохеньский. – Любой прогноз – это суждение следующей формы: “Если обстоятельства не изменятся, произойдет то-то; обстоятельства не изменятся, следовательно, то-то происходит”. В этом умозаключении первая посылка совершенно голословна – мы слишком мало знаем о законах, касающихся механизма общественного развития, а известные нам законы относятся скорее к демографии, а не к другим сферам, имеющим в данном случае принципиальное значение. Другая посылка – о том, что обстоятельства не изменяются, – скорее всего, является ложной: все говорит за то, что обстоятельства не остаются прежними, а изменяются, по крайней мере на протяжении длительного периода времени. Таким образом, долгосрочный прогноз в истории невозможен, но именно такие прогнозы и пытается делать историософия. Поэтому историософия – это не наука, а суеверие» [1, с. 72–73].

В отечественной философии «парадокс нового» был подробно проанализирован в 70-х гг. XX в. философом В. В. Орловым и назван им «парадоксом развития». Согласно концепции этого известного пермского марксиста, принцип развития невозможно дедуцировать из каких-либо более широких положений философии, поэтому материи-субстанции следует приписать изначальную атрибутивную способность спонтанно порождать «из ничего» принципиально новое, бесконечно усложняться и переходить от низшего к высшему [4].

По нашему мнению, парадокс нового исторически навеян попытками богословов XIX века синтезировать пантеизм, панентеизм и монотеизм как три альтернативных учения о божественном творчестве:

1) в *пантеизме* новое – это всего лишь модификация старого, т. е., проще говоря, новое есть либо ранее неизвестное старое, либо хорошо забытое старое; в этом смысле творчество не есть созидание чего-то принципиально нового, но представляет собой обнаружение ранее скрытой реальности (например, открытие естествоиспытателем объективного закона природы);

2) в *панентеизме* новое – это уникальное пересечение существенно разных форм старого; тогда творчество – это не столько открытие того, что уже существует, сколько свободное конструирование, изобретение, инженерия;

3) *монотеизм* учит, что мир не истекает из Бога и не находится в нем, но творится именно Единым Богом (а не служебными духами) *ex nihilo*, т. е. из ничего [5, с. 181–201].

Сформулируем парадокс нового более развернуто, совместив в нем два взаимно отрицающих утверждения: 1) новое возникает только из старого, ибо ему больше неоткуда взяться; следовательно, новое – вовсе не безусловно-новое, а всего лишь модификация старого; 2) новое не возникает из старого, и только тогда оно подлинно новое; следовательно, истинно новое возникает чудесным способом «из ничего». Оба тезиса одинаково доказуемы, неопровержимы и справедливы. Приняв за истинный только один из них, мы будем до конца света спорить с оппонентом, принявшим противоположный тезис, и поражаться его «идиотизму».

Данный парадокс применительно к теме будущего человечества представлен следующей конъюнкцией тезиса и антитезиса:

1) *тезис*: настоящее и будущее можно с научной точностью объяснять событиями и тенденциями прошлого; наука история есть учитель жизни, и надо непременно полагаться на принцип историзма;

2) *антитезис*: новообразования в настоящем и будущем человечества в принципе не выводимы из прошлого, история ничему полезному научить не может и мало что способна на самом деле предвидеть.

Поскольку тезис и антитезис одинаково доказуемы и их синтез исключительно парадоксален, следовательно, широкомасштабное прогнозирование будущего и человечества, и России принципиально противоречиво и неопределенно.

Карл Поппер (1902–1994) в своей книге «Нищета историцизма», направленной против наивных марксистских пророчеств, усилил «парадокс нового» следующим ясным суждением: завтра люди будут располагать таким принципиально новым знанием, которым они сегодня вообще не располагают. Это новое знание будет самым решающим фактором организации будущей жизни. Следовательно, даже изошренная экстраполяция нынешних социальных тенденций на будущее не ведет к истинному предвидению главных характеристик грядущего будущего; будущее вовсе не есть результат проекций прошлого [7, с. 29–58]. Нетрудно убедиться

в правоте данного аргумента австро-английского философа, если сравнить, например, скорости социальных сообщений в XIX в. с нынешними мгновенными социальными контактами людей разных стран и континентов через Интернет.

В двухтомнике «Открытое общество и его враги» Карл Поппер добавил еще один важный аргумент, ставящий под сомнение возможность истинного прогнозирования будущего. Во-первых, он обратил внимание на то, что важнейшие жизненно-значимые прогнозы утаить от общества почти невозможно. Во-вторых, всегда найдутся влиятельные люди, которым будет не по нраву предсказанное будущее, и они найдут те или иные способы воспрепятствовать нежелаемому будущему. Тогда реальное будущее окажется совсем не таким, каким его предсказали. Над нами не довлеет пресловутая историческая необходимость, мы можем решительно влиять на будущее, и, следовательно, мы ответственны за него [8].

Выходит, невозможно, согласно парадоксу нового, истинно предсказывать и планировать реальную модернизацию науки и производства, конкретные крупные инновации.

«Парадокс эмерджентного эффекта». В начале XIX в. Г. В. Ф. Гегель (1770–1831) создал теорию взаимного отражения (рефлексии) внутренних противоположностей в любом предмете [2]. Он показал, что тесный контакт взаимоисключающих сторон и тенденций внутри некоторого качества рано или поздно завершается коренным скачкообразным преобразованием этого качества – событием, конкретно не предсказуемым и иррациональным. Именно взаимное отражение противоположностей порождает «внезапный переход количества в новое качество», неожиданный эмерджентный эффект. В «Божественной комедии» Данте Алигьери о таком иррациональном эффекте говорится, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Рефлексия толкуется Гегелем как процесс последовательной смены трех стадий. Первая стадия – взаимное притяжение отдельных пространственно сосуществующих, ограничивающих друг друга и отталкивающих друг от друга качеств *A* и *B*. Вторая – проникновение (положение) *B* в *A* в форме копии *в (B)* и наоборот. Сосредоточим теперь внимание только на изменениях внутри *A*. Положенный в него отпечаток *в (B)* так или иначе стремится вытеснить *A* за его наличные границы, ограничивает пространство прежнего бытия *A*, имея собственную тенденцию стать безграничным. Третья стадия – активное обратное противодействие *A* по-

ложенному в него ϵ (B), их взаимоположение (высвечивание друг в друге). Это ведет к взаимному изменению A и ϵ (B). Теперь отпечаток сам становится отражающим, в то время как A оборачивается отражаемым.

Взаимооборачивание основания и положенного происходит до тех пор, пока у внутренних противоположностей остается какая-либо доля различия, короче говоря, до тех пор пока у них есть что брать друг у друга. Взаимное отражение A и ϵ (B) является внутренним источником развития субстрата A вплоть до превращения его количественных изменений в новое овеществленное качество C . Противоположности A и ϵ (B) постепенно и скрыто становятся тождественными в рамках A , а затем их тождество материализуется в форме пространственно определенной новой вещи C .

Поясним сказанное простейшей аналогией. Представим себе, что пространство A залито свежей синей краской, а пространство B – желтой, часть которой ϵ (B) начинает проникать в A . При взаимном высвечивании A и ϵ (B) возникает совершенно новый цвет – зеленый. Получается, что в зеленом в снятом виде содержатся синее и желтое, но зеленое несводимо к ним ни порознь, ни в их механической сумме. «Зеленый эффект» – это неожиданное, часто непредсказуемое («иррациональное») тождество взаимно отражающихся внутренних противоположностей.

«Зеленый эффект» человеческой практики непредсказуемо наступает, когда люди, например, сильно воздействуют на природу, вызывая тем самым очередной экологический кризис. Если же люди энергично преобразуют сложившийся социальный порядок, то могут нечаянно спровоцировать так называемый «эффект Термидора», примеры тому – Великая французская революция, Октябрьский переворот в России, перестройка в СССР. Иррациональные эффекты крупномасштабной практики чаще всего разрушительны, их результатом нередко является то, что у человека отнимают его свободу. Однако случается, что они благоприятно содействуют социальному и техническому прогрессу.

Необходимо учитывать всеобщий закон бытия, гласящий, что действие равно противодействию. Иррациональный эффект мощных и как будто разумно планируемых действий может превратить совокупного человека из субъекта в неразумный объект, страдающий из-за собственного энергичного целеполагания. Важным следствием знания парадокса эмерджентного эффекта является понимание того обстоятельства, что по мере усиления воздействия человечества на природу и социальные структуры сокращаются шансы футурологов на создание панорам подлинного будущего.

Таким образом, мы приходим к неутешительному выводу о «нищете» научного прогнозирования будущего, т. е. к заключению, что широко-масштабное и долгосрочное «научное предвидение будущего» весьма сомнительно, тщетно и неподлинно, когда оно претендует на такие свойства прогноза, как нетривиальность, конкретная историчность, точность, истинность. Тем не менее глобальные прогнозы всегда будут востребованы целеполагающим человеческим разумом. Они высоко ценятся и живо обсуждаются широкой публикой. Однако, когда мы начинаем глобально рассуждать о будущем, не стоит забывать о существовании парадоксов и диалектике противоречий в развитии событий.

Литература

1. Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М.: Прогресс, 1993. С. 72–73.
2. Гегель. Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1970–1972.
3. Кузанский Н. Об ученом незнании // Кузанский Н. Соч. В 2 т. М., 1980.
4. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь: Пермский ун-т, 1978. 397 с.
5. Пивоваров Д. В. Онтология религии. СПб: Владимир Даль, 2009. С. 181–201.
6. Пивоваров Д. В. Антиномизм // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. Лондон: Панпринт, 1998. С. 42–44.
7. Поппер К. Нищета историцизма // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 29–58.
8. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Феникс; Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
9. Тиллих П. Систематическая теология: в 3 т. Т. I–II. М.; СПб.: Университет. кн., 2000. С. 60.